

Князьков С.Г.

БИБЛЕЙСКИЙ МИФ В ЛИТЕРАТУРЕ США XIX-XX ВЕКОВ (ОТ Г.МЕЛВИЛЛА ДО К.САЙМАКА).

Исторический опыт убеждает, что каждая гражданская община на различных этапах становления и развития своего самосознания оказывается перед нелегкой проблемой выбора для себя наиболее “удобной” формы политической и социальной организации. Насколько непростыми оказываются возникающие при этом проблемы экономического, национального и религиозного характера, свидетельствует десятилетний опыт поиска оптимального выхода из возникающих трудностей, приобретенный Украиной и Крымом. Понятно, сколь важна роль в правильной ориентации граждан и выделившихся из их среды политических деятелей, отводимая политологам и экономистам, но существенную помощь в осмыслении и оформлении в доступном для осмысления большинством граждан виде решений может оказать и литература. Рекомендации литераторов воспринимаются правильно и рационально используются далеко не всегда - достаточно вспомнить иллюстрирующий проект идеального государства платоновский миф об Атлантиде, “Утопию” Томаса Мора или почти не упоминаемый сегодня проект А.И.Солженицына “Как нам обустроить Россию?”, но важно помнить, что такие попытки, в отличие от большинства партийных программ, обогащают сокровищницу общечеловеческой культуры, навсегда остаются в ней и рано или поздно могут оказаться востребованными.

Когда мы и наши сограждане смотрим сегодня (неважно - с восхищением или завистью) на общественное богатство ведущих мировых держав, а наши политики озабочены получением от них кредитов, расходуемых на латание экономических дыр и едва ли способных изменить к лучшему социально-политическую ситуацию, мало кто задается вопросом - на какой духовно-нравственной основе создавалось и умножалось это богатство? Ответ на этот вопрос может дать только литература, объективно, независимо от изначальных установок и замыслов писателя, воссоздающая жизнь нации или общества на определенном этапе его исторического развития.

Обращаясь к литературе США, будем помнить, что она - отражение жизни полиэтничного сообщества людей, лишь двести лет назад избравших определенный тип социально-политического устройства, а также последовательно и целеустремленно строивших свое

государство. Заметим также, что отражаемые литературой оценки ситуации, если они претендуют на объективность, неминуемо должны быть более поздними, нежели реальные исторические процессы.

Одним из средств, которые литература использует для решения своих задач, еще в античности стал миф: в произведениях древнегреческой хоровой лирики, трагедии и даже в историографии мифологический сюжет или мифологическое предание становятся способом объяснения широкому кругу зрителей или читателей происходившего некогда или происходящего сейчас. Платон вослед за своим учителем Сократом заявивший о сомнениях относительно рационального содержания мифа, связанного с догматами олимпийской религиозной системы [4, с. 20; 7, с.194 слл.], не случайно для иллюстрации своего учения о государстве и основных принципов построения идеального полиса создает “авторский миф” об Атлантиде [9, с.167 сл.]. Привыкшему к мифологическому, общепринятому и характерному для того времени способу истолкования природных и общественных явлений афинянину, не приобщенному даже к первым опытам Первой софистики научно объяснить мир следовало представить утопический проект в мифологической форме; по тому же пути позже пойдет Евгемер, а Ямбул прибегнет для описания своей утопии к жанру авантюрного романа [16, с.72]. Именно ориентация на миф или авантюрно-сказочный сюжет определяет пространственно-временную ориентацию произведений утопической литературы до Г.Уэллса - место и действие в них связаны с далекими и неведомыми островами или странами (а у Антония Диогена, Лукиана или С. де Бержерака оно переносится в космические сферы), а события соотносятся обычно с далеким прошлым либо настоящим.

Эти особенности истолкования мифологических образов и сюжетов в символическом плане определяют и

направленность использования в произведениях литературы библейской символики, в особенности - ветхозаветной. Едва ли не первым в американской литературе XIX века символику библейского мифа использовал автор "Моби Дика" Г.Мелвилл (1851 г.), и этот аспект его творчества достаточно полно освещен в литературной критике, в том числе - и крымской [4; 5; 6;]. На позднем этапе свое творчества к ней в "Дневнике Адама" (1893 г.) обращается и Марк Твен, в присущей ему иронической манере представляющий прародителя человечества далеким от божественного идеала полуживотным. Обращая внимание, главным образом, на критику в этом произведении руссоистских представлений о "естественном человеке", А.С.Ромм в 1977 году едва ли могла рассматривать проблематику новеллы во всех ее аспектах, но один из них она подчеркнула весьма пронизательно: "(Марк Твен) ... пытался сконструировать особый новый "рай" не только для того, чтобы высмеять традиционное филистерское представление о загробном блаженстве, но и с тем, чтобы обрести в нем хотя бы скромное местечко для отовсюду изгоняемой демократической утопии" [11, с. 188]. Анализ некоторых романов и новеллистики Джека Лондона убеждает в том, что, преодолевая романтическую тенденцию в своем творчестве, он следует стопами своих гениальных предшественников и современников, и едва ли прав Р.М.Самарин, утверждая, что "в романах 1910-х гг. в творчестве Лондона возобладают другие стороны неоромантической поэтики - идиллическое изображение природы, под сень которой спешат укрыться его уставшие от классовых битв герои" [13, с.19]. Однюдь не идиллическое содержание "Звездного скитальца" и поистине страшный финал "Мартина Идена" резко контрастируют с благостным сюжетом "Маленькой хозяйки большого дома"; последний роман тот же критик называет "досадным срывом" в творческой практике писателя [там же, с.14].

Период между двумя мировыми войнами в романистике США отражен

разработкой актуальнейшей проблематики социального плана - великий кризис 30-х гг. и его последствия определяют характер первых произведений Дж. Стейнбека, герои Э.Хемингуэя ищут свое место в этом междувоенном мире, а на романном пространстве У.Фолкнера некогда идеализируемый Юг в нищете и отчаянии лишь вспоминает о своем былом нравственном превосходстве над практичным и деятельным Севером, сарторисы уступают место сноупсам. Новая реальность делает главным объектом изображения титанов и гениев Т.Драйзера, в мире которых для библейских адамов уже не остается места.

На этом фоне в начале 30-х гг. лишь ранние романы Дж. Стейнбека "Неведомому богу" и "Небесные пастбища" развивают тему "естественного" человека, управляемого всемогущей божественной волей, но в них, как с удовлетворением отметила советская критика, "узость позитивизма преодолевается Стейнбеком, как только он отходит от живописания библейской "первозданности" к изображению реальной жизни своих современников" [8, с.8]. Сомнительными, впрочем, представляются оценки в той же критике опубликованной в 1935 г. повести Дж. Стейнбека "Квартал Тортилья-Флэт" как произведения, в основе которого - острейшая социальная критика; скорее всего, персонажей повести - люмпенов Дэнни, Пилона, Большого Джо Португальца и пр. - следует причислить к "естественным" людям, твеновским адамам, нашедшим свой рай и покинуть его не желающим. Едва ли случайно через десять лет, уже после войны, в повести "Консервный ряд" писатель снова представит читателю тех же по духу и образу жизни персонажей. Весьма примечательно, что опубликованный в 1952 г. роман Дж.Стейнбека "К востоку от рая" вызвал почти единодушные и резко отрицательные отзывы нашей критики: "Продолжая поиски гармоничного идеала человеческих взаимоотношений, он теперь все чаще предпочитает социальной действительности сферу отвлеченных этических ценностей... Задумав создать эпическое полотно об истории двух

калифорнийских родов.., писатель злоупотребляет параллелями с библейскими преданиями, навязчивой и подчас надуманной символикой” [там же, с.18]. Сегодня очевидно, что столь категорично судить об определенном этапе творчества Стейнбека можно только в том случае, если безусловно “ценными” для человека социалистического общества и “правильными” с точки зрения идеологии этого общества считать лишь “Гроздь гнева” и “Зиму тревоги нашей”, признаваемые, впрочем, вершинными в наследии писателя и теми, кто руководствуется иными принципами оценки.

Итак, от времени создания “Моби Дика” Г.Мелвилла (1851 г.) до времени публикации “К востоку от рая” Дж.Стейнбека (1952 г.) прошло столетие, давшее читателю на всех континентах десятки имен великолепных американских писателей и сотни их произведений; это столетию превращает литературу США в заслуженно полноправную отрасль всемирной литературы. На фоне этого грандиозного процесса осталось, однако, почти не замеченное и, само собой разумеется, не оцененное по достоинству “академической” критикой произведение американской литературы - созданный также в 1952 г. роман Клиффорда Саймака “Город”.

Родившийся в 1904 г. сын чешского переселенца в Америку журналист и писатель Клиффорд Дональд Саймак - признанный патриарх американской “научной фантастики”, в течение долгой жизни создавший десяток романов и огромное количество повестей и рассказов; почти каждое произведение его имеет написанный позже аналог в мировой литературе этого жанра - своим учителем Саймака с полным основанием считают не только Р.Хайнлайн, А.Азимов, Р.Бредбери и К.Вон-негут, но и Дж.Оруэлл, С.Лем и братья Стругацкие. В творческом наследии К.Саймака представлено все богатство освоенных мировой фантастикой тем - от общения современного человека со “средневековым” миром фей и гоблинов до полетов к далеким звездным мирам,

телепортации предметов и одушевленных тел и обмена разумов; не остался вне сферы его внимания и социально-утопический аспект фантастической литературы.

Природа фантастики как философского и литературного феномена исследована в литературной теории достаточно полно, и следует заметить, что лишь в отечественном литературоведении ей уделялось незаслуженно мало внимания. Подготовленный В.А.Чаликовой в годы “перестройки” и изданный в момент гибели тоталитарной советской империи сборник статей и материалов [1], пожалуй, впервые дал возможность широкому кругу читателей познакомиться со взглядами зарубежных философов, литературоведов и писателей хотя бы на один тематический аспект фантастики - утопический. Это, конечно, не изменило в корне взгляд на фантастику как на “что-то для мечтательных подростков”, укоренившийся в обывательском восприятии такой литературы, но думающий потребитель литературной продукции получил толчок к осмыслению вопроса - почему он до 1984 г. не мог в своей стране прочесть роман Дж.Оруэлла “1984”, почему не издавался и не изучался теоретиками литературы “Чевенгур” А.Платонова, почему иногда десяток лет не могли увидеть свет произведения некоторых советских фантастов, а об И.А.Ефремове создавался миф, что он - шпион какого-то враждебного государства?

Об этом, и о том, что род литературы, называемый научной фантастикой, во второй половине XX века оказался вследствие важности рассматриваемой ею проблематики и высоких художественных достоинств нашел своего читателя в кругу интеллектуальной элиты советского общества, можно было бы говорить подробнее, но в иной, специальной публикации. Здесь же, изучая факт использования романистикой США библейского мифологического материала, обратим внимание на то, что эти мифы в американской научной фантастике используются чаще всего как иллюстрация

к двум разрабатываемым темам - теме сотворения мира и человека (Crea-tion) и к теме эсхатологической, связанной с гибелью цивилизации - в нашей литературной критике в последнем случае неправомерно используется понятие апокалипсиса, хотя в Библии о конце света речь идет не только в "Откровении" ("Апокалипсисе") Иоанна Богослова, но и в последних, философских книгах Ветхого Завета, и более уместным представляется термин "гибель человечества" (Holocaust), на чем настаивают и американские критики [14, с. 78, 112].

Обращаясь к роману К.Саймака "Город", отметим, что в переводе на русский язык он появился лишь 22 года спустя после первой публикации в США, когда автор уже прочел десятки самых противоречивых критических откликов на свое творение [15, с.83 сл.] и удостоился ряда литературных премий. В единственном отклике нашей критике - послесловии В.Ревича к первому русскоязычному изданию романа [12] - как важнейшее достоинство произведения отмечается антивоенная тема. Это понятно и объяснимо лишь с учетом правильного понимания существовавшей у нас трактовки причин и характера "холодной войны", но уже первые главы "Города" убеждают читателя в том, что эта тема в романе - даже не второстепенная. Библейский миф К.Саймак использует в обоих отмеченных выше аспектах, но делает это в высшей степени тонко, иногда - на уровне подтекста, что дает ему гораздо большую свободу в трактовке устоявшейся символики.

Вспомним, что действие романа, излагающего историю существования американского семейства Вебстеров, начинается в конце XX столетия, растягивается на более чем десять тысяч лет и повествует не о гибели человечества в результате планетарной или "звездной" войны или геофизического или биологического катаклизма, а о том, как человек покидает свою планету, найдя более комфортное место и способ существования на Юпитере. На Земле появляется несколько новых

"цивилизаций", по-своему осваивающих оставленную людьми планету и созданные ими материальные богатства; на первый план при этом выступают физиологически реконструируемые человеком псы, но рядом с ними живут и воссоздают себя "цивилизованные" и "дикие" роботы, а также люди-мутанты, находящие потаенную дверцу в иные, параллельно существующие на Земле миры (к примеру - мир фей и гоблинов). Разрозненные легенды-предания об угасании рода Вебстеров трактуются псами-учеными как древние мифы, в которых иные из этих "исследователей" уже не находят реального и рационального содержания; более того, сама фамилия героев романа - политиков, врачей, покорителей космоса - превращается в имя нарицательное, и "вебстерами" в последних главах псы называют людей вообще, продолжая, впрочем, любить и обожествлять своих прежних хозяев. Следовательно, о холокосте в романе речь не идет - люди добровольно покидают обжитую и удобную родную планету, на которой царит некий идеальный политический строй и исчезло даже запрограммированное библейским мифом как неизбежный атрибут существования человеческого рода понятие убийства.

Но тема "творения" остается и рассматривается в разных, подчас весьма неожиданных аспектах: люди, прежде чем покинуть планету, наделяют псов речью и способностью читать; для помощи им оставлены созданные человеком самосовершенствующиеся и самовоспроизводящиеся роботы. Особняком в этом мире стоят люди-мутанты, достигшие высшего знания, почти всемогущества, и не желающие покидать свою планету; это - борцы и строители, сохранившие жизненную и творческую энергию и глубоко презирующие изнеженный род человеческий [10, с.470], и в том, что они остаются - возможно, последняя надежда писателя.

Эта же тема развивается в романе К.Саймака и в аллегорическом плане - мутанты без особой надобности, так

сказать, “из чистого любопытства” творят еще одну земную цивилизацию... муравьев. Один из мутантов избавляет обитателей муравейника от необходимости впасть в зимний анабиоз и терять при этом накопленные за лето знания и опыт - муравьи превращаются в совершенствующуюся и весьма деятельную расу, учатся плавить металлы, изготавливать орудия труда и т.д. [10, с. 82 слл.]. Несомненно, их ждет какое-то будущее, философствующие и живущие за счет оставленного человеком наследства псы едва ли обладают творческой потенцией к созданию чего-то столь же значительного, как возможная цивилизация муравьев. Но в романе “Город” К.Саймак не прослеживает далее этот утопический проект, он бегло коснется его в более позднем романе “Заповедник гоблинов”. Правильно истолковать аллегорию муравейника вдумчивый читатель сможет, вспомнив, что американцы “Дядей Джо” называли И.Сталина, что то же имя получает мутант-экспериментатор и что роман издан в США в 1952 году [16, с.101 слл.].

Рассмотрение проблематики романа К.Саймака “Город” ограничено в настоящей публикации одним, сравнительно узким аспектом; сопоставление его с другими произведениями писателя, рассматривающими различные аспекты утопического и сказочно-фантастического в американской романистике XX века, может дать более полное представление как обо всем наследии К.Саймака, так и о его месте в литературе США. Но это - задача дальнейшего изучения проблемы.

Литература

1. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Переводы с разных языков, сост. и ред. В.А.Чаликовой. - М.: Прогресс, 1991.
2. Вейман, Роберт. История литературы и мифология / Пер. с немецк. - М.: Прогресс, 1975.
3. Гапиенко Е.Н. Герман Мелвилл и Библия; Библейская символика в романе “Моби Дик, или Белый Кит” // Нечепорук Е.И. и др. Художественный мир Германа Мелвилла: сборник статей. - Симферополь: МТЭПУ, 1994. - с. 14-41.
4. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. - М.: Наука, 1987.
5. Князьков С.Г. Мифологемы “хаоса” и “апокалипсиса” в концепции революции и войны Германа Мелвилла (повесть “Билли Бад”) // Культура народов Причерноморья. - № 10 . - Симферополь: Межвуз. Центр “Крым”, 2000.
6. Козлов А.С. Мифологическое направление в литературоведении США. - М.: Высшая школа, 1984.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // А.Ф.Лосев. Философия. Мифология. Культура. - М.: Изд-во полит. литературы, 1991. - с. 22-186.
8. Мулярчик А. Творческий путь Джона Стейнбека // Дж.Стейнбек. Квартал Тортилья-Флэт; Гроздь гнева; Жемчужина. - М.: Худож. литература, 1977. - с. 5-20.
9. Панченко Д.В. Платон и Атлантида. - Л.: Наука, 1990.
10. Ревич, Вс. Земной человек на rendez-vous // К.Саймак. Город. - М.: Правда, 1989. - с.467-478.
11. Ромм А.С. Марк Твен. - М.: Наука, 1977.
12. Саймак, Клиффорд. Город /Пер. с англ. Л.Жданова, послесл. В.Ревича. - М.: Мол. гвардия, 1974.
13. Самарин Р.М. “Ваш во имя революции Джек Лондон” // Джек Лондон. Мартин Иден. Рассказы. - М.: Худож. литература, 1972. - с. 5-23.
14. Attenbery, B. The fantasy tradition in American literature: from Irving to Le Guin. - Bloomington: Indiana UP, 1980.
15. Manske, Eva. Apokalyptische Visionen, Anti-Utopien und die Gegenwart der USA // Weimarer-Beitraege. - Berlin, 1976. - 22.Jg., H.8. - S. 80-95.
16. Veit, Walter. Studien zur Geschichte der Topos der Goldenen Zeit von Antike bis zum 18. Jhdt. - Bonn, 1961.

